

Чурсин Юрий
(анбёр)

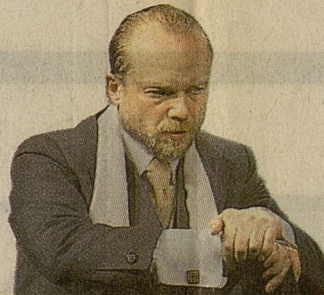
20207

Unterpone tuis interdum gaudia curis

Сродни герою русских сказок

Любовь к легендарному Чапаеву народ выразил по-своему >> СТР. 16

Андрей Смоляков побывал в шкуре нефтяного магната >> СТР. 22

21

АНТИКВАРИАТ
Наибольшая цена – 90 тыс. долл. – была заплачена в Нью-Йорке за 10 золотых рублей 1836 г.

НГ АНТРАКТ

ПЯТНИЦА 2 ФЕВРАЛЯ 2007 ГОДА № 4 (193) – с. 13–14.

ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ. ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Крепость Юрия Чурсина

Домашние ценности молодого поколения

Юрий Чурсин не хочет быть только актером.

Фото Алексея Калужских (НГ-фото)

Елена Кутловская

Юрий Чурсин – актер, сделавший к 26 годам стремительную карьеру. Сначала – Щукинское училище. Потом – театр им. Вахтангова, где он был занят в ведущих спектаклях («Калигула», «Ревизор», «Отелло», «Царская охота»). В Театре-студии Табакова сыграл Гаврилу Иволгина в «Идиоте». С 2005 года он актер МХТ. Новый виток популярности. Чурсин играет в самых громких спектаклях театра, связанных с именем Кирилла Серебренникова: «Лес» и «Господа Головлевы». По-

следняя его работа – в комедийном спектакле «Примадонны». В 2006 году он снялся в фильме «Изабелла», где Чурсин предстанет в образе великого русского поэта. В 2005 году он стал лауреатом молодежной премии «Триумф», а в 2006-м – лауреатом премии «Чайка».

– Юра, вы везучий человек?

– Для меня все непросто. Я знаю многие свои недостатки. А раз тебе известны твои проблемы, значит, ты их каждый раз преодолеваешь. Это не позволяет оценить то, что я сделал, как сплошные удачи. Все,

что со мной происходит, я бы назвал иначе. Я добился определенной популярности. Но называть каждое свое выступление блистательным – не рискну. Понимаю, какие «штампы» и «неправильности» неосознанно высказывают в каждой роли.

– В Щукинское училище вас приняли с первого захода – согласитесь, это везение. И в театр вас взяли сразу после института.

– Какой-то процент везения в моей жизни присутствует. Я собирался работать в Театре сатиры. Уже был штатным актером. Но перед началом сезона меня пригласи-

ли в театр им. Вахтангова. Был тяжелый выбор... Пошел в театр Вахтангова, а позже оказался в МХТ.

– Так вы были нарасхват – это должно вселять уверенность в собственном таланте.

– Да ну что вы! Такого ощущения у студента, который только что выпустился, быть не могло. Еще учась в Щуке, я знал, что многие молодые актеры, принятые в Вахтанговский театр и по пять лет там отслужившие, не сыграли вообще ничего! В итоге они были уволены из театра. Им говорили: «Вы о себе никак не заявили, и на этом мы с вами прощаемся». Зная

это, быть уверенным в своем таланте и вообще в своей судьбе – невозможно. Подобные вещи происходят в любой профессии с молодыми кадрами. Нет опыта работы – и ты всегда можешь оказаться за бортом.

– Сколько лет вы чувствовали себя на испытательном сроке?

– До сих пор чувствую. Любая новая роль – внутренняя паника... Я каждый раз не знаю, как ее играть. И меня постоянно мучает мысль: а своим ли делом я занимаюсь?

– Вы самодеед?

– Не могу сказать, что 24 часа в сутки мой взгляд на мир оптимистичен. Трезвая оценка всего, что де-

лаю, – присутствует ежесекундно. Это охлаждает. Приводит в норму. Без такого «холодного душа» – ни в одной профессии не выжить. Порадоваться, что тебе хлопают, когда выходишь «на поклон», – приятно. Но жизнь – это сплошные перемены, в любой момент все может измениться. Но это не плохо и не хорошо. Просто у меня такое ощущение от жизни.

– Многие актеры постоянно учатся, колесят по миру, берут уроки в известных западных театральные студии. Готовы ли вы бросить все и уехать, чтобы продолжить учиться актерскому мастерству?

>> СТР. 14

Крепость Юрия Чурсина

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 13

– Если бы я оставил все, что делаю здесь, и уехал бы, к примеру, в театральную школу Лондона – у меня было бы ощущение, что я раскидал любимые дела, как раскидывают любимые игрушки и бросаются за чем-то новым и более красочным. Я так не могу – наверное, это черта моего характера. Это не значит, что у меня отсутствует потребность в информации. Напротив. Постоянно добываю нужные книги у друзей...

– Какие книги добываете?

– Сейчас охочусь за «Александр-систем». Эта книга написана актером, потерявшим голос. Он был в отчаянии. И неожиданно обнаружил, что голос у него появляется в тот момент, когда его голова находится в том или ином положении – наклонена вперед или чуть назад. Он понял, что человеческий организм создан так, что если он хорошо отрегулирован и настроен, то состояние расслабленности, свободы и покоя дает ему возможность абсолютно владеть собой. Эта книга – что-то вроде энциклопедии правильного поведения. Там, например, описывается даже то, как нужно сидеть за рулем, чтобы твоё тело было минимально задействовано на лишние движения. То есть эта система пытается устранить из жизни «мусор», не засорять жизнь ненужными действиями и словами. Не тратить энергию зря, а сохранять ее. Ведь энергия – основной источник долголетия. Кстати, по этой же системе учатся и наше правительство. Я не шучу – есть мастера, которые преподают «сильным мира» основы «Александр-систем». А в театрах Англии ее преподают достаточно давно.

– Хотелось бы осваивать эту систему в Англии?

– Сложности с языком. Я знаю 15 слов. А обретение этой системы в полном объеме требует качественного владения английским. Есть еще причина. У меня плотный график работы. Хотя... Надо уметь регулировать свое время и загружаться ровно настолько, насколько тебе это надо. Для развития личности любая перегруженность – помеха. Я пытаюсь сейчас уйти от тотального существования в «оболочке» актера. Жизнь шире театрального пространства. Я вообще против мнения, будто для актера все замыкается на театре. Это – блокада собственной личности. Ты получаешь информацию только от работы, которую делаешь. Развиваешься однобоко. Оказываешься в замкнутом круге. С одной стороны, ты общаешься только с актерами; с другой стороны – только с заданным материалом. Все это незаметно превращает человека в профессиональную машину, функционирующую по одному маршруту: со сцены – на сцену. Все.

– А куда вы идете из театра?

– Я всегда иду домой. И дом оказывается той точкой, которой начинается и заканчивается адекватное отношение к жизни. Только дома все твои болезненные фантазии – скажем, будто жизнь враждебна по отношению к твоему «Я» – отменяются. Дома реальность отрезвляет и успокаивает. Мой дом – такое счастье со мной случилось – является самым честным местом; только дом снимает с меня все напряжение...

– Что значит «честное место»?

– Это означает, что дома ты никем не являешься, кроме как самим собой. Дома все приходит в гармоничное состояние. Не знаю, что это – мешанство или буржуазность, но мне хорошо дома.

– Вы – замкнутый человек, одиночка?

– Назвать меня одиночкой стопроцентно нельзя. Но, пожалуй, что-то подобное во мне есть. Мне часто комфортно пройтись где-нибудь одному; я могу просидеть несколько часов, думая о своем и ни с кем не общаясь. В этом сосредоточенном уединении для меня много радостного. Но все относительно. Общение с людьми несет огромный заряд энергии, без которого ты замкнешься и попросту съешь самого себя (*улыбается*). Надо уметь быть одиноким и уметь выходить к людям. Все хорошо в меру.

– Вам не кажется, что каждое поколение отталкивает информацию, приходящую от более молодых людей? Шоры неизбежны?

– Мне кажется, есть универсальные вещи, которые едины для всех поколений. Например, великие произведения искусства. Недавно я был на концерте Бориса Гребенщикова – случайно попал. Слушал его песни впервые. И понял, что продукт, который он производит, несет в мир гигантскую энергию, парадоксальную информацию. Я понял, что Гребенщиков – живой. Понимаете? Все его песни – искусство. А искусство обязательно пронизано божественной искрой, которую считывает каждый, кто родился человеком. Не важно, сколько ему лет, – пятьдесят или двадцать. Я вообще не согласен с тем, что возраст разъединяет. У меня есть друзья намного старше меня – и разница между нами только в количестве информации, которая у нас в голове. В остальном – мы одинаковые.

– Вы сказали: «Гребенщиков – живой». Что в вашем понимании это означает?

– Живой тот, кто не сдается фантомам и стереотипам, кто всегда имеет свободу выбора. Живой тот, кто понимает, что нет остановки, остановка – смерть. И не сдается времени. Я встречал людей, которые почему-то решили, что вся их сегодняшняя жизнь (после советского периода или после того, как молодость ушла) – ужасна. Это рабы времени. С моей точки зрения, говорить о том, как все неправильно и плохо сегодня и как все было правильно и хорошо когда-то – это мертвечина!

– Вы относитесь к поколению людей, воспитанных на клубной культуре...

– (*Перебивает.*) Нет. Возможно, многие мои ровесники воспитаны именно так. Я к ним себя не отношу. Я вообще против того, чтобы относить себя к какому-то поколению. Я – разный, и все мы – разные. Равно как все мы – одинаковые. Нет разных поколений. Есть разные люди.

– И все же, где вы проводите свободное время?

– Если честно – у меня так круто дома, что я именно там провожу максимум времени. Дом покидаю надолго, только когда поку-

Живой тот, кто не сдается стереотипам

паю билет в какую-то страну и еду туда на пару недель, чтобы увидеть и ощутить новое.

– Я знаю многих людей, которым около тридцати и которые готовы уехать из России навсегда, плюнуть на высшее образование и работать садовниками и даже чистильщиками туалетов где-нибудь в Ирландии.

– В России сейчас больше возможностей для реализации, чем в Европе. Там молодые люди бьются в истерику от невозможности заявить о себе в социуме. Сколько угодно можно говорить, что там чище экология, что там не убивают детей ради политических кампаний, что там люди социально защищены. Но при всем этом у молодых людей там максимально ограничены возможности для личной самореализации. Моя знакомая, уехавшая в Париж, не может пробиться на экран. Для этого ей нужно выстоять миллионные очереди в разные агентства! Масса очередей, пробки! Часто талантливый человек «умирает» или растворяется в толпе неудачников до того, как получает шанс мелькнуть на экране.

– Неужели у нас легче?

– У нас можно поступаться в кабинет и сказать: «Я – могу». И тебе дадут возможность, если ты имеешь идеи. В нашей стране такое еще возможно.

– Как вы относитесь к идеологии?

– Если она создана для сохранения человеческой жизни – она хороша. Если она создана для того, чтобы кормить саму себя, – это безумие. Понятно, что в нашей стране выстраивается тоталитарная олигархическая система. И надежды на иную политическую структуру пока нет. Конечно, можно всех обвинять – вы не голосуете, не идете на улицу и не говорите правительству: «Мать вашу, что вы делаете?! Почему мы в своей стране так не защищены. Почему вы – власть – это допустили?» Можно говорить, что мы живем в обществе, которое заслуживает своего правительства. Но мне кажется, кидать такие фразы – глупо. Знаете, на что это похоже? Когда родители машут рукой на своего ребенка и говорят: «Да он все равно debil, потому что даже двух слов связать не может». Мое мнение – виноваты родители, если ребенок не обращал внимания на культуру, не читал и теперь плохо формулирует свои мысли. Он не debil. Он – продукт усилий со стороны своих родителей. Или отсутствия этих усилий.

– Что для вас – история России? Скучная мораль, часть жизни дедов и отцов или «пустой звук»?

– Я придерживаюсь той точки зрения, что история является культурным корнем. Метать копыя и ругаться в связи с тем, что случилось со всеми нами в прошлом, – не стоит. Но адекватно оценивать историческую действительность – необходимо. Объективно, беспристрастно, холодно смотреть на исторический бэкграунд – наш долг. Лучше знать, что такое героин. И точно так же лучше знать, что такое история наших войн, в том числе гражданских. И что из этого следует. Не стоит повторять собственные глупости. Это к вопросу – где вы отдыхаете. Дома. Потому что дом – это самые настоящие ценности, которые тебя спасут и не дадут вдруг оглянуться на кого-нибудь и сказать: «Что это ты делаешь здесь, на моей земле? А пошел-ка ты...» ■